

Лобин А. Н. К вопросу о политическом значении итогов битвы под Оршей 1514 г.// Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 168–172.

А. Н. Лобин

К вопросу о политическом значении итогов битвы под Оршей 1514 г.

Грюнвальд 1410 г. и Орша 1514 г. занимают особое место в истории Великого княжества Литовского (ВКЛ). В историографической традиции главная битва «Великой войны» 1409–1411 гг. ознаменовала собой закат Тевтонского ордена, а «Великая битва» 1514 г. — срыв крупных наступательных операций России в борьбе с ВКЛ. Но если Грюнвальдская битва имеет достаточно широкую историографию, то сражение под Оршей изучено недостаточно. Причин тому несколько. Во многом это было связано с господством в определенный период политической конъюнктуры. Зависимость от идеологических установок непосредственно влияла на изучение истории внешней политики начала XVI в.

Какие реальные политические последствия повлекло за собой поражение русских воевод на Оршанском поле 8 сентября 1514 г.? Как оценивали результаты битвы победители и проигравшие, а также враги и союзники той или иной стороны? Каким образом сражение

повлияло на военный потенциал и развитие наступательных действий России? Ответы на эти вопросы в разные времена историки давали по-разному. Большинство исследователей в своих трудах, по сути, повторяли традиционную версию событий, изложенную в нарративных источниках. Разбираясь в перипетиях «оршанского триумфа» исследователь сталкивается с интерпретациями и трактовками результатов сражения, озвученными современниками и подхваченными потомками. Во многом феномен «битвы европейского значения» 1514 г. сложился в результате взаимодействия пропаганды, фольклора, искусства, популярной и научной литературы.

В историческом контексте, выражаясь словами В. О. Ключевского, важно различать действительность от того, в каком виде событие запечатлелось в памяти потомства. Также необходимо разграничивать реальные военно-политические результаты битвы от последствий пропагандистской кампании. Часто победители выдавали желаемое за действительное с целью возвеличить победу и показать ее грандиозность. Проигравшая сторона наоборот, свое поражение либо замалчивала, либо упоминала лаконично и мимолетно. Все эти факторы необходимо учитывать при исследовании военно-политического значения той или иной битвы.

В первую очередь следует обратить внимание на то, какие последствия битвы видели или желали видеть ее современники. В бумагах венецианского сенатора Марино Сануто (1466–1535, «I diarii di Marino Sanuto») и секретаря королевы Боны Станислава Гурского (ок. 1497–1572, «Acta Tomiciana»), собравших большое количество дипломатической корреспонденции, сохранились копии писем Сигизмунда Старого, его послов и папских легатов, датированные сентябрем–октябрем 1514 г. Тексты «эпистолов» наглядно показывают трактовку итогов сражения современниками.

Самое раннее известие венгерскому королю Владиславу о битве «на Борисфене» датируется 12 сентября 1514 г. Написано оно в лагере под Борисовом (I diarii di Marino Sanuto. Т. XIX. Venezia, 1887. Р. 176, 180, 252–254). В нем кратко излагались обстоятельства и результаты сражения: говорилось о форсировании Березины, о первых стычках 28 августа и сражении «у Борисфена». Впервые озвучены и потери противника: из 80 000 врагов 30 000 убито в сражении; 8 главных воевод и предводителей (*vayvodse et consiliarij*), 37 князей, баронов и 1500 дворян попало в неволю. Под впечатлением разгрома «московитов» под власть короля вновь перешла Дубровна (*Dubrovno*) и в ближайшее время (т. е. в сентябре) ожидалось освобождение других городов (имеются в виду Мстиславль, Кричев и Смоленск). Тогда еще Сигизмунд не терял надежду отвоевать по горячим следам Смоленск. Победа в битве раскрывала перед Сигизмундом далеко идущие планы, в коих можно было усмотреть даже диктовку условий перемирия побежденному врагу.

Из Венгрии письмом, датированным 24 сентября (в Венецию оно пришло 23 октября: в реестр письмо занесено с пометкой «от нашего служащего из Буды»), доктор Антонио Суриани сообщал, по сути, те же сведения, что в битве 8 сентября «80 тысяч московитов были разбиты поляками (*sic!*), до 30 тысяч московитов убиты, а живыми взяты в плен 1500, в том числе военачальники и сатрапы» (*Ibid.* P. 158, 180).

Чуть ранее, 18 сентября, было составлено послание папе римскому Леону X-му, в котором также были перечислены потери врага, но число пленных дворян указано еще больше: 2000 человек. Подобные послания с известиями о грандиозной победе получили епископ Ян Конарский и кардинал Джулио Медичи (*Acta Tomiciana*. Т. III. 1514–1515. *Poznaniae*. 1853. № CCXXX-CCXXXII. P. 181–187. Далее — АТ). Впоследствии — к 1520-м гг. — цифры потерь «московитов» выросли до 40 000 (*Decius I. L. De Sigismundi regis temporibus liber III*. Cracoviae, 1521. P. XCI).

Попутно в послании архиепископу Яну Ласскому 25 сентября король писал, что якобы видел «простерты на 8 римских миль горы трупов врагов, там на месте битвы лежало более шестнадцати тысяч» (АТ. Т. III. № CCXXXIV. P. 184–185).

К этому времени канцелярия еще не была последовательна, она еще не определилась с окончательным «подсчетом» потерь противника, хотя поспешила распространить первые официальные известия, иногда даже отличающиеся друг от друга, которые позже лягут в основу разных публицистических сочинений.

После того как под Смоленском претерпела неудачу авантюра кн. К. И. Острожского, из текстов «эпистолов» исчезают стремления отвоевать крепость «в ближайшее время». Зато в целой серии «летучих листков» и брошюр, изданных в краковских и римских типографиях в 1515 г., появились сообщения о том, какая жуткая опасность угрожала христианам от «нашествия схизматиков», не будь на поле воинов короля (См. подр.: *Граля И. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрин. М., 1992. С. 46–50*). Вообще, слухи о намерении Василия III с огромной армией «завоевать герцогство Литовское и всю корону Польскую» были распространены еще в 1513 г., во время второго похода на Смоленск (*Рябинин И. С. Новое известие о Литве и московитах: К истории второй осады Смоленска в 1513 г. // ЧОИДР. 1906. Кн. III. Смесь. С. 5*). После Оршанской битвы они вновь появились в победных реляциях 1515 г. для того, чтобы усилить пропагандистский эффект от победы в «Великой битве».

Итак, главным военно-политическим результатом сражения у Орши современники битвы и хронисты XVI в. считали защиту Литвы и Польши от нашествия полчищ московитов. Этот искусственный конструкт в рамках оценочной системы был призван

подчеркнуть важные последствия «битвы у Борисфена». Исследование источников с русской стороны позволяет утверждать: никакой угрозы независимости этих стран не было, поскольку ни малочисленный отряд М. И. Булгакова-Голицы, отправленный к приграничным районам Орши и Друцка, ни рать И. А. Челядина, пришедшая для защиты смоленского направления, не угрожали независимости ВКЛ. Перед русскими корпусами общей численностью до 10–12 тыс. всадников стояла вполне определенная задача — собраться в одном месте и «стояти на Непре» по «литовским вестям», ожидая прихода польско-литовского войска (*Лобин А. Н.* К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1–2. С. 60–67).

Тем не менее, битва под Оршей отразилась в памяти современников и потомков как «Великая битва» — уже к началу 1520-х гг. так ее именовали не только многочисленные панегирические сочинения, но и вполне официальные документы литовской Метрики.

Пропаганда, в конечном итоге, имела в какой-то мере и противоположный результат. Фигурировавшие в реляциях «тмочисленные» силы «московитов», победное завершение ими войны 1512–1522 гг., несмотря на жестокое поражение 8 сентября 1514 г., — все это способствовало формированию у европейцев гипертрофированных представлений о военной мощи Московии (*Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений конца XV — первой половины XVI вв. М., 1980. С. 127; *Лобин А. Н.* К вопросу о численности... С. 45–78).

Интересно отметить двойственность позиции короля. Казалось бы, триумф Оршанской битвы открывал перед ним перспективы окончательного разгрома опасного соседа. 18 ноября король спешил обнадежить крымского хана Менгли-Гирея обещаниями «в землю неприятеля нашего тягнути, шкоды чинити и обиды наше мстити». Но почти одновременно (19 ноября) Сигизмунд просил венгерского короля Владислава о помощи в примирении с сильным соперником (*Кашипровский Е. И.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I из-за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник историко-филологического общества при институте кн. Безбородко. Нежин, 1899. Вып. II. С. 251; АТ. № CCCLI. Р. 259). Король прекрасно понимал, что уничтожить главные силы «московитов» у него не получилось.

В современной литературе к важным внешнеполитическим последствиям битвы под Оршей относят распад коалиции Империи, Тевтонского ордена и России против Польской Короны и ВКЛ. Однако внимательное изучение дипломатических документов показывает, что проект союза распался еще до злополучного сражения.

Хитрый «цесарь» Максимилиан не решил связывать себя обязательствами, оговоренными его же послом Георгом Шнитценпаумером в Москве в марте 1514 г. В текст

договора, заключенного еще весной, 4 августа 1514 г. на имперском совете были внесены значительные изменения: вместо четких пунктов о совместной войне против Ягеллонов предлагалось прежде попытаться мирным путем склонять польского короля к удовлетворению требований союзников и только в случае его отказа исполнить эти требования открыть военные действия. После того как в декабре 1514 г. имперские послы Я. Ослер и М. Бургшталлер доставили исправленную грамоту в Москву, государь Василий Иоаннович категорически отказался от такого изменения в договоре. В конечном итоге это привело к «заморозке» русско-австрийского союза (См. подр.: *Писаревский Г.* К истории сношений России с Германией в начале XVI века // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 2. М., 1895. С. 8–9; *Uebersberger H.* Österreich und Russland seit dem ende des 15. jahrhunderts. Bd I. Wien; Leipzig, 1906. S. 84–86).

Международный резонанс вызвали не столько реальные последствия сражения, сколько действия пропаганды королевской дипломатической службы. Сражение на Оршанском поле можно назвать крупным тактическим, но никак не стратегическим успехом ВКЛ. Как писал имперский посол Сигизмунд Герберштейн, «эта победа не дала королю ничего кроме возвращения трех крепостей по сю сторону Смоленска» (*Герберштейн С.* Записки о Московии / пер. А. В. Назаренко. М., 1988. С. 71–72).

Российское государство не лишилось своего военного потенциала — уже через несколько месяцев воеводские полки опустошали Литву (Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966 С. 57–58). На русско-литовском фронте, по замечанию А. А. Зимина, битва под Оршей «задержала развитие русских успехов, но не могла их нейтрализовать» (*Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 168).